

Низами Гянджеви

Собрание сочинений

Том 5. Искендер-Наме

**Москва
«Книга по Требованию»**

Н61 **Низами Гянджеви**
Собрание сочинений: Том 5. Искендер-Наме / Низами Гянджеви – М.: Книга по Требованию, 2024. – 782 с.

ISBN 978-5-458-24591-3

Низами Гянджеви, азербайджанский поэт и мыслитель, родился в городе Гяндже, в небогатой семье. Получил хорошее образование, в юности писал лирические стихи. Женился на тюркской рабыне Афак (Аппак), воспетой им в стихах. Безвыездно жил в родной Гяндже. Будучи тесно связанным с Азербайджаном, переносил действие отдельных эпизодов своих поэм на его территорию. Придворным поэтом никогда не был, довольствуясь небольшими пособиями, которые ему назначали феодальные правители за посвященные им поэмы. Золотым фондом азербайджанской поэзии стали пять поэм Низами: «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» и «Искандер-наме». Кроме того, им был написан лирический диван, от которого дошли до нас 6 касыд, 116 газелей, 30 рубай и 4 кита. Все творчество Низами, особенно написанные им поэмы, оказали исключительно благотворное и мощное воздействие на всю средневековую литературу Средней Азии и Ближнего Востока. Умер в Гяндже (современный Азербайджан). В первый том Собрания сочинений великого азербайджанского поэта и мыслителя Низами Гянджеви (1140-1203) вошли "Сокровищница тайн", первая из пяти поэм, составляющих его прославленную "Хамсе" ("Пятерицу"), а также стихотворения-газели, касыды и четверостишия, в которых поэт воспекает красоту мира и человека как идеал прекрасного. "Сокровищница тайн" относится к дидактико-философскому жанру и имеет лёгкую суфийскую окраску. Она надолго определила развитие дидактического жанра в восточных литературах.

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КНИГА О СЛАВЕ

چون مردان پیش پنهانند / کجی کجانشن کجای ساند / که کجک جهان از بهر سنک وای / شد از قاف تا قاف کج کجی

کجک فیلمو پس از تماشا میشت

سکارا نخبان پوی زن نشسته

نهی دیدم مرد و بران جسته

به بالین و طفل اندر و سپه

بماند ز کجک خودی گزیده / بهر خود تا جا کران خسته / که کار زن مرد و پسر خسته

О ПРИЧИНАХ СОЧИНЕНИЯ ЭТОЙ КНИГИ

В ночь, светившую мне, как нам светит рассвет,
Словно данную утренним просьбам в ответ,

Ясный месяц сиял светом тихим и томным
Над землею, покрывшейся мускусом темным.

Смолк житейский базар. Шум вседневный потух.
Колокольчик верблюда не мучил мой слух.

Страж ночной задремал. Подчинясь небосводу,
Утро светлую голову спрятало в воду.

Отряхнув свои руки от суетных дел,
На себя я оковы раздумий надел.

Свое сердце раскрыв и закрыв свои очи,
Думал я, как бы мне в свете сладостной ночи

Поудачней расставить потайную сеть,
Наилучший улов мне хотелось иметь.

Бросив тело свое, этой ночью бессонной
Я пошел по долинам души вознесенной.

То мне, полная тайны, мерцала скрижаль,
То к страницам былым уносился я вдаль.

И огонь снизошел и потек моим садом,
И подвластен я стал его жарким оврадам.

И полны опасений, взыскупя пути,
Мысли долго не знали, куда им идти.

И кружились они в неустанном раденье,
И узрел новый сад я в своем сновиденье.

В том саду, непохожем на наши сады,
Собирая плоды, раздавал я плоды.

Но проснулся плоды раздававший всем встречным
И пылал еще мозг его сном скоротечным.

Возгласить муэдзину пришла чередая:
«Он велик, сей живой, сей, живущий всегда!»

И раздался мой стон в час вседневного бденья:
Я был полон пыланья ночного виденья.

Но лишь утро благое одело восток,
Ожил я, как рассветный живой ветерок.

И зажег я над сумраком реющий светоч.
Весь рассудок мой был пламенеющий светоч.

Волхвовали, предавшись словесной игре,
Мой язык и душа, как Марут и Зухре.

Я промолвил себе: «Ты забыл свое дело,
А давно уже сердце творить захотело».

Новозданным и давним напевом согрет,
Летописцам ушедшим пошлю я привет.

Я смогу светлячка сделать светочем новым,
Взяв зерно,— всех возрадовать древом плодовым.

Тот, кто вкусит мой плод, громко вымолвит: «Маг,
Это древо взрастивший, воистину благ»,—

Если он не из тех, кто, так вымолвив, следом
Ловко выкрадет скарб, припасенный соседом.

Ну так что же! Весь блеск в моих замкнут словах.
Всех торгующих жемчугом я шаханшах.

Я взрастил сладкий плод, для другого он — пища
Он — крадущийся в дом, я — хозяин жилища.

Как поставить мне лавку на этом углу?
Каждый уличный вор что-то спрячет в полу.

Тут не сыщется лавки, к которой бы воры,
Чтоб ее обокрасть, не направили взоры.

Нет! Я — море. Не жаль мне сто капель отдать.
Сколько туч мне пошлют их опять и опять!

Хоть бы тысячу лун твоя длань засветила,
Быть им все же с печатью дневного светила.

ПРИТЧА

Некий праздный гуляка, пьянчуга пустой
Подобрал на дороге динар золотой.

«К злату тянется злато», — промолвил меняла.
И бездельника жадность внезапно объяла.

И, предвидя улов, он спешит на базар:
Там к динару притянет он звонкий динар.

Вот он в лавку заходит: блистают каменья, —
И глупец полон радости и вожделенья.

Денег целые груды и счета им нет.
Сколько мелких и средних и крупных монет!

И прекрасной поживе душа его рада.
И метнул он динар в пламень этого клада.

На глазах у глупца в груди самой густой
В тот же миг затерялся его золотой.

Возмечтал он богатство умножить раз во сто.
Да мечта не сбылась. Так все кончилось просто!

Ускользнула монета; простак, что есть сил,
Пред торговцем каменьями заголосил:

«Из всего, что даровано божьему свету,
Довелось получить мне одну лишь монету.

К злату тянется злато! — сказал это лжец!», —
Так вопил на базаре взбешенный глупец.

«К этой лавке сокровищ бежал я с динаром.
На добычу надеясь, бежал я недаром:

Притянуть я к себе понадеялся клад.
Я пропал! Одурачен! Я жизни не рад!»

Рассмеялся тогда благородный меняла,
И сказал он глупцу, что с деньгой его стало:

«Единицу к себе тянет сотня всегда.
К одному не потянется сто никогда!»

* * *

Тем, кто в склад мой проникнуть пытается, —
скажем:
Эту притчу надежным поставил я стражем.

Много мельниц шумит, но когда ни взгляну, —
Нет нам пользы от них, все идет на казну.

Пусть воруют! Я рад, что хоть мне нет укора,
Что меня посчитать не посмеют за вора.

Неуемных грабителей бойся в пути,
Осторожно меж ними старайся пройти.

Темнолицых бродяг по ложбинам укромным
Вдосталь скрыто. Весь мир они сделали темным.

Разжигать светлым днем им свой стыдно костер.
Друг на друга поднять им свой совестно взор.

А писцы даже днем — да покроются срамом! —
Все скрипят и скрипят своим черным каламом.

Все, что сделал в Гяндже я, не знающий лжи,
Воры шлют в Бухару. Их товар из Гянджи.

Но дешевый товар покупают с опаской.
Скупка тайного кончиться может оглаской, —

А когда обнаружится тайна твоя,
На тебя ополчатся твои же друзья.

Коль не крикнет хозяин про дерзкие кражи, —
Сбережет ли свой склад он от собственной
стражи?

Но довольно! Напрасен и крик мой и вздох.
Время все разберет, кто хорош, а кто плох.

Не прервут небеса неуклонного хода.
Будет взвешено все на весах небосвода.

О СВОЕМ ПОЛОЖЕНИИ

Подойди ко мне, кравчий, налей мне вина,
Чтоб душа моя стала блаженно хмельна.

Нужен горький напиток! Не жду я веселья.
Чтоб забыл я себя, дай мне горького зелья!

* * *

Низами! Не пора ль свою славу забыть?
Ветхий днями! Нельзя вечно юношей быть!

Свое сходство с бесстрашными львами умножим.
Тот, кто мыслит, — не будет с лисицею схожим.

Говорят, что лиса на далекой Руси
Очень холит свой мех, но у ловчих спроси, —

«Из-за меха и гибнет, — ответят со смехом. —
Мы лису обдерем и уйдем с ее мехом».

Все свою украшают циновку, а глядь,
Срок истек, и с циновки приходится встать.

Если б тварь не стремилась к заботливой холе,
Не пришла бы она к своей горестной доле.

Не надежен шатер семикрасочный твой.
Даже зеркало мрачно, коль съедено ржой.

Ты не красная сера. Рубин ли ты серый?
Чтоб тебя отыскать, будут найдены меры.

Чародействовать брось! Разве ты чародей?
Лишь одни чародеи бегут от людей!

Ты, как все, — человек; человек же от века
Ищет связи с родною душой человека.

Если ты — ценный клад, но быть с нами не рад, —
Знай: в земле не один укрывается клад.

Что нам в том, если запертый сад перед нами,
Чем он полон, — колючками или плодами?!

Юность канула, к жизни участие ушло;
Мир, уйди, если юности счастье ушло!

Юность — это прекрасное! В чем же отрада,
Если нам позабыть все прекрасное надо?

Если кости гниют, если слабость в ногах,
Не веди свой рассказ о беспутных делах.

Если юности дерзкой прошло ослепленье,
На дерзание себе не давай изволение.

Сад красив до поры, пока свежестью пьян,
Пред веселым самшитом смеется тюльпан.

Если ж ветер ворвется с холодной лавиной,
Если ворон влетит в этот сад соловьиный,

Обнажится ветвей обездоленных сеть, —
И узнает садовник, что значит скорбеть.

И погибнет рейхан, цветший здесь в преизбытке,
И забудут про ключ от садовой калитки.

Соловей! Смена дней всех страшнее угроз.
Пожелтели ланиты пылающих роз.

Но лишь только свечу уберешь ты из дома,
Страсть ночных мотыльков к ней не будет влекома.

В юных днях, когда ведал я пламенный жар,
Похвалялся я тем, что устал я и стар.

Засмеюсь ли теперь, если в сердце — печали,
Притворюсь ли юнцом, если веки устали?

Ведь блистает гнилушка, как светоч, светла,
Потому что в саду беспросветная мгла.

Ведь блистает светляк и летает кичливо
Потому, что во тьме быть блестящим не диво,

Если я уставал, если был я без сил,
У судьбы я спокойного крова просил.

И покой возвращал меня к жизни, — и снова
Я весельем сменял тишь спокойного крова.

Да, теперь, когда юности более нет
И не мне на востоке мерцает рассвет, —

Преклонить бы мне голову! Бедное тело
Дело жизни оставить уже захотело.

Коль в венце щеголять хочет радостный гость
Нужен мускус ему, не слоновая кость.

До поры, пока звезды, ведущие сроки,
Не сотрут моих дней неприметные строки,

Я в заботе, что стала мне так нелегка,
Сохранить свое имя хочу на века.

Я без усталы в кости играю в помогу
Утомленному телу. Ведь скоро в дорогу.

Я умчусь через мост на гилянском коне,
И вернуться в Гилян не захочется мне.

Много смертных помчалось по той же дороге!
Кто припомнит сидевших на этом пороге?

Полный свежести! Вспомни об этих словах.
Если ты посетить пожелал бы мой прах,